

Глава 11

Волки и собаки — всё-таки не одна семья.

По крайней мере, волк Хэ Чэня точно был не из их стаи.

Стоило снежному волку появиться в зале, как все остальные духовные тела, до этого липнувшие к Хэ Лэяню, немедленно ретировались в духовные сферы своих хозяев. Даже тот большой желтовато-коричневый пёс, с которым Хэ Чэнь пытался «породниться», не стал исключением.

Зрители в прямом эфире наконец поняли, кто этот бесцеремонный тип.

Отец малыша, тот самый баловень судьбы, незаконнорождённый сын семьи Хэ — Хэ Чэнь.

[Надо признать, этот снежный волк и впрямь внушителен...]

[Всё-таки благородная кровь.]

С древних времён воины на Ланьсин делились на аристократов и простолюдинов. Люди с благородным происхождением, как правило, обладали бóльшим талантом и легче достигали высоких уровней мастерства. Среди множества знатных родов выделялось несколько семей, чьи духовные звери-компаньоны были особенно могущественны. К таким относился и снежный волк семьи Хэ — редчайшее духовное тело высшего ранга, обладающее ледяным даром.

[Аристократ — не обязательно сильный. Какая эпоха на дворе, а вы всё ещё поклоняетесь родословным.]

В прошлом разница в статусе между знатью и простолюдинами на Ланьсин была огромна. Но с наступлением космической эры технологии, оружие и боевая броня развивались стремительно, а кровь аристократов становилась всё более смешанной. В результате разрыв в реальной силе между воинами благородного и простого происхождения сокращался, и идеи равенства и свободы завоевывали всё большую популярность.

Однако горстка знати по-прежнему удерживала в своих руках львиную долю ресурсов и контролировала все пути наверх. Особенно это касалось армии — старой вотчины аристократов. На словах там царил равенство, но на деле всё было пронизано кумовством и круговой порукой. Люди без связей становились лишь ступеньками для отпрысков благородных семей, и их развитие было строго ограничено.

Хэ Чэнь, хоть и был бастардом, всё же принадлежал к аристократии, поэтому неудивительно, что некоторые в чате относились к нему с предубеждением.

[И вправду, не обязательно сильный. К тому же он Пробудился поздно. Говорят, в семье Хэ он на отшибе. По-настоящему там ценят его брата, Хэ Сыюаня. Они почти ровесники, но тот уже занимает высокий пост в армии. Он-то Пробудился с рождения, его талант наверняка выше.]

В чате кипели споры, но Хэ Чэня это нисколько не волновало.

В данный момент его заботила лишь реакция сына.

Малыш погладил духовные тела двадцати с лишним человек, даже нелюдимую леопардовую кошку Нин Тяня не обделил вниманием.

Всех одарил своей милостью, и его снежный волк не должен стать исключением.

Душа и тело едины, мысли — общие. Раз так подумал командир, так же подумал и его волк. Величественно встряхнув длинной белоснежной шерстью, он без лишних слов... лёг.

Распластался на полу, прикрыл лапами вытянутую, более острую, чем у «большого пса», морду, и попытался вопреки природе опустить треугольные уши (безуспешно). Голубые глаза с надеждой уставились на Хэ Лэяня.

[Ха-ха-ха, он что, притворяется собакой?]

[Почему он вдруг кажется таким глупо-милым...]

[Как бы то ни было, большой хищник остаётся большим хищником. Эй, приятель, имей совесть, держись от малыша подальше!]

Реакция зрителей была разной, некоторые высказывались довольно резко, но их можно было понять: даже лёжа, снежный волк на экране оставался огромен. Трёхлетний Хэ Лэянь рядом с ним казался совсем крошечным — таким, которого можно перекусить пополам.

Мальчик и сам был в нерешительности.

Он всё ещё немного боялся. Хотя... хотя «сигнал», исходивший от большого волка, был очень тёплым, теплее, чем от всех остальных духовных тел. Он выделялся, словно солнце.

Но ребёнок всё равно помнил его огромную пасть...

Это был инстинктивный, животный страх.

Хэ Лэянь медлил. Большой волк жалобно заскулил, но это не смягчило малыша. Наоборот, тот

лишь крепче сжал кулачки и опустил голову.

Подчинённые смотрели на командира со сложной смесью сочувствия и чего-то ещё.

«Какое к чёрту сочувствие! — Хэ Чэнь сохранял невозмутимость. — Я сильный»

Хэ Чэнь невозмутимо поднял руку, собираясь как можно достойнее отозвать своего навязчивого волка, но его прервал ворвавшийся в зал человек.

— Хэ Чэнь, зачем ты давишь на ребёнка?

Третий принц Чу Юньци подлетел к ним и решительно встал между Хэ Лянем и волком. В следующую секунду трансляция завершилась.

Услышав сигнал, Чу Юньци досадливо нахмурился и нетерпеливо махнул рукой.

— Убери, убери его! Нечего пугать этой машиной... Бля...

Огромный зверь неизвестно когда успел подняться. Его гигантская голова оказалась вровень с лицом принца, а пара льдисто-голубых глаз холодно взидала на него.

На первый взгляд глаза волка казались спокойными, но за этой ледяной синевой скрывалось нечто безграничное... безграничное... Чу Юньци не мог подобрать слов. Холодное, смертоносное, крово... кровожадное?

В этот миг принц, в чьих жилах наполовину текла кровь семьи Хэ, внезапно вспомнил, что на самом деле означает снежный волк. Кровь застыла в его жилах.

Но тут волк исчез. И леденящий холод, сковавший Чу Юньци, тоже рассеялся без следа.

— Ваше Высочество, вы споткнулись? — Хэ Чэнь помог кузену подняться и с преувеличенной заботой отряхнул с его одежды несуществующую пыль. Голос его звучал на удивление мягко.

Волоски на затылке принца отчего-то встали дыбом ещё сильнее.

Он вырвался из рук Хэ Чэня и посмотрел на него. Внезапно тот показался ему чужим.

Его духовное тело — снежный волк. Легендарный зверь, который, достигнув предела своего развития, способен игнорировать любую защиту, замораживая кровь в жилах врага и убивая на расстоянии...

Даже в семье Хэ тех, кто по-настоящему обладал снежным волком, было гораздо меньше, чем принято считать. Так же, как и Цилян в их семье Чу или золотой орёл у Шэней... лишь немногие счастливики достаивались такой чести.

Неужели сила такого Хэ Чэня так же слаба, как он её выставляет? Чу Юньци тщательно всё обдумал и пришёл к выводу:

Да, он очень слаб.

Среди потомков семьи Хэ этого поколения Хэ Чэнь по званию был всего лишь полковником, даже до бригадного генерала не дослужился. Власть его ограничивалась командованием флотилией среднего размера, а в удел ему достался захолустный сектор, от которого все отказались.

Причина всему — отсутствие покровителей. Статус сына преступника в сочетании с ненавистью Хэ Яюнь привели к тому, что в семье Хэ его не жаловали и не поддерживали, а в армии он был невидимкой.

При этой мысли Чу Юньци снова расправил плечи... самую малость.

— Ничего, я просто поскользнулся, — откашлявшись, сказал он. — Кстати, ужин скоро? Я проголодался.

— Как раз собирались ужинать, — Хэ Чэнь взглянул на часы, обошёл принца и, наклонившись к Хэ Ляню, произнёс с внезапной, неестественной робостью: — Лянь, папа приказал приготовить много вкусного, мы —

— Давайте есть! — Чу Юньци подхватил Хэ Ляня, усадил его на высокий для него стул и сел рядом.

Хэ Чэнь сдержанно опустил было протянутую руку.

Он бросил на Чу Юньци терпеливый взгляд и кивнул Дэн Те.

Дэн Те хлопнул в ладоши перед прозрачным окном раздачи, и тут же вереницей вышли несколько мужчин в поварских колпаках. Каждый держал в руках поднос и с трепетом и надеждой смотрел на Хэ Ляня.

— Это что, смотр невест? — хмыкнул принц и наклонился, чтобы рассмотреть подносы, загородив мальчику почти весь обзор.

Но тут его собственный обзор оказался полностью перекрыт.

Перед ним встал Нин Тянь. С непроницаемым лицом, словно холодная стена, он отгородил принца от стола.

— Ты... — Чу Юньци вперился взглядом в оказавшееся так близко холодное красивое лицо Нин Тяня. Мгновение спустя он, на удивление, не стал возмущаться, а молча сел обратно на стул, выглядя несколько рассеянным.

В это время Хэ Чэнь взял с подноса тарелку, поставил её перед Хэ Лянем и снял крышку.

— Это...

Он запнулся.

— Это рыбка-клоун из риса.

— Это пчёлка! — не выдержал повар номер один, с укором посмотрев на командира.

Золотистый рисовый шарик, украшенный тонкими полосками нори и крылышками из яичного белка, — ну вылитая пчёлка, какая ещё рыбка-клоун!

— Упитанная у тебя пчёлка, — пробормотал Хэ Чэнь себе под нос и взял следующую тарелку. — А это... утка?

Он вопросительно посмотрел на повара номер два.

— Так точно, это сэндвич-утёнок, — поспешно подтвердил тот.

Хотя изначально это был цыплёнок, но раз командир сказал «утка», значит, утка. Гибкость ума у него имелась.

Да и не это было главным. Главное — понравится ли юному господину. Повар номер два, наблюдая за взглядом малыша, с улыбкой пояснил:

— Юный господин, клюв у утёнка сделан из кукурузного зёрнышка, глазки — из чёрного кунжута, а этот гребешок... то есть, всё остальное — из томатного соуса, это всё можно есть.

— Номер три, — Хэ Чэнь бросил на второго повара строгий взгляд и снял крышку с третьего подноса. — Это что?

Он с недоумением посмотрел на невысокого и полного повара.

— Представляй сам.

— Есть, — повар номер три поставил свою миску на стол, выглядя немного смущённым. — Юный господин, у меня просто яичный пудинг.

Он крепче сжал поднос.

— Я давно думал о том, что юный господин может приехать на нашу базу, и долго тренировался готовить паровой яичный пудинг. Не ожидал, что вы приедете, когда уже такой большой... Сегодня все приготовили лучше и интереснее меня, но я просто хочу, чтобы вы попробовали. Яичный пудинг, который готовит старина Ван, очень нежный и ароматный.

Старина Ван с надеждой посмотрел на Хэ Лэяня.

Мальчик, до этого сидевший тихо и смиренно, кивнул, а потом покачал головой.

— Меня не зовут «юный господин». Меня зовут Лэянь.

Он обвёл взглядом тех «больших булочек», что заботились о нём, играли с ним и даже показывали своих духовных зверей, а затем очень серьёзно посмотрел на поваров.

— Спасибо, дяди и дедушка, что приготовили для меня.

Ах, повара были растроганы до глубины души.

— Юный господин Лэянь, что вы, мы ведь не профессионалы.

И это была правда. Все они были списаны с передовой из-за ранений или болезней. Обычно им частенько доставалось от сослуживцев за не слишком вкусную стряпню. Услышать такую искреннюю благодарность от Хэ Лэяня было для них настоящим потрясением.

Особенно расчувствовался старина Ван, у него на глазах навернулись слёзы.

— Какой хороший, какой хороший юный господин.

— Меня зовут Лэянь, — с ноткой беспомощности в голосе повторил ребёнок и даже невольно взглянул на Хэ Чэня, словно ища поддержки.

— Хорошо, с этого момента зовите его по имени. Мы тут не какие-нибудь «господа», — радостно объявил Хэ Чэнь.

Чу Юньци бросил на него взгляд.

«Может, Хэ Чэнь и не "господин", — Чу Юньци бросил на него взгляд, — но у Хэ Лэяня есть он, его крёстный отец, так что звание "юного господина" тот заслуживает по праву»

Но спорить было бессмысленно, вокруг одни солдафоны. Он решил не связываться.

Чу Юньци мысленно фыркнул, посмотрел на Нин Тяня, на чьём холодном лице тоже проступило волнение, и фыркнул ещё раз.

«Странные они все»

Четвёртый повар представил своё блюдо, а Хэ Чэнь, склонив голову, отправил сообщение тому самому «папочке»:

[Спасибо!]

Он искренне благодарил Лу Чанцина за то, что тот так хорошо воспитал Хэ Лэяня.

Лу Чанцин открыл терминал, мгновение смотрел на бессвязное сообщение, а затем ответил:

[Что случилось?]

[Ничего. Лэянь — замечательный!]

Хотя это была всего лишь строчка текста, академик Лу уловил в ней восторг и целый сгусток яркой, светлой энергии.

Глядя на терминал, он бессознательно провёл длинными пальцами по колену.

<http://bllate.org/book/13454/1689655>